
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 351.74
ББК 67.401.13

DOI 10.22394/1682-2358-2022-2-4-16

Ю.М. Shulyakovskaya,
*Candidate of Sciences (Law), employ-
ee at the Russian Federation Security
Guard Service Federal Academy, Do-
cent of the Constitutional, Adminis-
trative and Criminal Law Department,
Central Russian Institute of Manage-
ment, Branch of the Russian Presiden-
tial Academy of National Economy
and Public Administration*

PUBLIC AND LEGAL NATURE OF EXTREMIST AND TERRORIST ILLEGAL ACTIONS FIXATION MEANS IN STATE PROTECTION BODY EMPLOYEES' ACTIVITY

The public and legal bases of law enforcement activity of state protection officers in the context of revealing and suppression of extremist and terrorist activity are analyzed. The expediency of improvement of administrative and procedural activity of the State Security Service employees, in the order of drawing up protocols on administrative offence, including the implementation of anti-extremist activity is substantiated.

Key words and word-combinations: extremism, terrorism, protocol on administrative offence, video recorder.

Ю.М. Шуляковская, кандидат юриди-
ческих наук, сотрудник Академии ФСО России, до-
цент кафедры конституционного, административ-
ного и уголовного права Среднерусского института
управления — филиала Российской академии на-
родного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (email: Juliy15@yandex.ru)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

Аннотация. Проанализированы публично-пра-
вовые основы правоприменительной деятельно-
сти сотрудников органов государственной охраны
в контексте выявления и пресечения действий
экстремистского и террористического характера.
Обоснована целесообразность совершенствования
административно-процессуальной деятельности
сотрудниками органов государственной охраны в
порядке составления протоколов об администра-
тивном правонарушении, в том числе в порядке ре-
ализации антиэкстремистской деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: экстре-
мизм, терроризм, протокол об административном
правонарушении, видеорегиистратор.

Экстремизм и его крайняя форма проявления — терроризм, представляя особую опасность для государства, общества и личности, ставит под угрозу функционирование как институтов государства, так и гражданского общества, а также оказывает прямое влияние на функциональное содержание и организацию деятельности системы органов охраны первых лиц государства.

Одной из задач, на основе Конституции РФ и во исполнение Федерального закона «О государственной охране» перед органами охраны является участие в пределах своих полномочий в борьбе с терроризмом [1]. Сотрудники подразделений ФСО России, особенно подразделений охраны, при исполнении своих служебных обязанностей по обеспечению безопасности объектов государственной охраны и защите охраняемых объектов должны постоянно быть готовы к выявлению, предупреждению и пресечению преступных посягательств, в том числе экстремистской и террористической направленности.

При реализации полномочий в сфере предупреждения экстремизму и терроризму в деятельности сотрудников органов государственной охраны не в полной мере учитываются существующие нормативно-правовые способы (инструменты) противодействия экстремизму и терроризму, включая технологии профилактического воздействия, методы выявления и пресечения актов экстремизма и терроризма; законодательное несовершенство в данной сфере препятствует повышению результативности субъектов противодействия, а также органов государственной охраны.

На основе анализа комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации, принятого на 2019—2023 гг., выявлена потребность в новых или более совершенных имеющихся формах, методах и средствах организации и деятельности федеральных органов власти, включая органы государственной охраны, и с использованием нормативно-правовых и иных социальных регуляторов.

Чтобы эффективно участвовать в деятельности по противодействию посягательств террористической направленности, сотрудникам органов государственной охраны необходимо:

- иметь представление о сущности феноменов экстремизма и терроризма и их особенностях;
- уметь правильно квалифицировать деяния как экстремистские и террористические;
- изучить приемы, методы и способы осуществления экстремистских и террористических деяний.

В базовом нормативном правовом акте, регламентирующем задачи, функции и полномочия органов государственной охраны (Федераль-

ный закон «О государственной охране»), в ст. 13 к основным задачам указанных органов, в частности, относится участие в пределах своих полномочий в борьбе с терроризмом [1].

Функциональное предназначение органов власти реализуется через планомерное решение задач, направленных на достижение поставленных целей. В контексте исследуемого объекта органы государственной охраны для решения возложенной на них задачи по противодействию терроризму наделяются властными полномочиями — обязанностями и правами, которые регламентированы не только Федеральным законом «О государственной охране», но и иными нормативно-правовыми актами федерального значения. Например, органы государственной охраны на основе Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» вправе осуществлять оперативно-розыскную деятельность [2].

Анализ нормативно-правовых актов ведомственного характера дает основания утверждать, что самый широкий перечень задач, решаемых органами государственной охраны, приведен в Положении о Федеральной службе охраны Российской Федерации.

Помимо обозначенной в прямой постановке задачи по борьбе с терроризмом, приведенные задачи по обеспечению безопасности и защите объектов охраны и охраняемых объектов следует относить к обеспечению антитеррористической деятельности органов государственной охраны.

Как видим из приведенных положений, регламентирующих деятельность органов государственной охраны, конкретной, в прямой постановке вопроса задачи по выявлению, предупреждению и пресечению экстремистской деятельности (экстремизма) у органов государственной охраны нет.

Можно лишь предполагать, почему законодатель не предусмотрел подобного рода положения: например, определенные виды проявления экстремистской деятельности напрямую затрагивают выполняемые органами государственной охраны задачи в соответствии с Федеральным законом «О государственной охране»; или потому, что органы государственной охраны, в пределах своих полномочий участвуют в борьбе с терроризмом, который является лишь одной из форм проявления экстремизма.

Расширительное толкование в данном случае является неприемлемой формой в связи с особой опасностью экстремизма. В связи с этим представляется целесообразным и обоснованным (к тому же фактически осуществляется) привлечение органов государственной охраны к деятельности по выявлению, предупреждению и пресечению экстремистской деятельности.

В целях повышения эффективности в деятельности по противодействию экстремизму в Российской Федерации необходимо внести следующие изменения в нормативные правовые акты федерального значения, регулирующие деятельность органов государственной охраны:

1. В ст. 13 Федерального закона «О государственной охране» изложить пункт 4 в следующей редакции:

«...участвовать в пределах своих полномочий в борьбе с терроризмом и противодействии экстремистской деятельности (экстремизму)».

2. В Указ Президента РФ «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации» внести изменения:

— в ст. 3 изложить пункт 6 в следующей редакции:

«...участие в пределах своих полномочий в борьбе с терроризмом и противодействии экстремистской деятельности (экстремизму)»;

— в ст. 11 изложить пункт 12 в следующей редакции:

«...участвует в пределах своих полномочий в разработке и реализации мер по предупреждению, выявлению и пресечению террористической и экстремистской деятельности (экстремизма)».

Обозначенные обстоятельства и широко известные акты проявления неправомерных действий экстремистского и террористического характера определяют необходимость исследования и разработки нового, а также совершенствования имеющего арсенала правовых средств предупреждения и пресечения угроз проявления экстремизма и терроризма.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Именно поэтому сотрудник органов государственной охраны, осуществляя деятельность по противодействию экстремизму и терроризму, должен учитывать, что на основе действующего процессуального законодательства любые действия или возможное бездействие органов публичной власти являются предметом проверки (в процессе осуществления ведомственного и вневедомственного контроля) в отношении соответствия их действующим правовым нормам, начиная с Конституции РФ. С тем, чтобы реализовать все требования закона, представители органов преимущественно государственной власти составляют соответствующие процессуальные документы (протоколы, постановления и т.п.). В последнее время все чаще производится запись совершаемых процессуальных действий на средства аудио- и видеofиксации [3, с. 112].

Чтобы юридический процесс не превратился в формальность, способную спровоцировать произвол должностных лиц органов государственной власти, необходима его фиксация соответствующим образом. В свою очередь, органы власти также сталкиваются с фактами злоупотребления своими процессуальными правами со стороны недобро-

совестных граждан. В этой ситуации у властной стороны таких правоотношений есть необходимость доказать, что они в полном объеме выполнили свои процессуальные обязанности [4, с. 256].

Данное обстоятельство приобретает особую значимость для подразделений охраны ФСО России в рамках производства по делам об административных правонарушениях при возможном оспаривании их решений, действий (бездействия). Ведь действия должностных лиц подразделений ФСО России в рамках производства по делам об административных правонарушениях носят государственно-властный характер и нередко выражаются в ограничении прав и свобод граждан, совершивших правонарушение, а подобные ограничения допустимы только на основании федерального закона (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Все изложенное подтверждает необходимость рассмотрения детального закрепления хода и результатов деятельности должностных лиц подразделений охраны ФСО России. Основной проблемой на пути повышения эффективности деятельности сотрудников органов государственной охраны в сфере противодействия преступным посягательствам, включая экстремизм и терроризм, является правомерная фиксация юридических фактов и событий, которые выступают доказательствами нарушения законодательства.

Проявления экстремизма и терроризма носят не только уголовно-правовой характер посредством закрепления в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), но и административно-правовой, так как в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) содержится ряд статей, предусматривающих наказания за проявления экстремизма и терроризма.

Определенная обстановка может создать условия, при которых сотруднику придется самостоятельно предпринимать меры к пресечению административных правонарушений и уголовных преступлений. При осуществлении пресечения правонарушений или преступлений возможны случаи, при которых сотрудник причиняет вред охраняемым законом правам и свободам предполагаемых правонарушителей. Причиняемый вред должен отвечать требованиям законодательства, поэтому установление правомерности либо неправомерности в действиях сотрудника является определенным процессом, который осуществляется в рамках административного или уголовного производства. Для должной правовой самозащиты сотрудника, а также для обоснованного привлечения предполагаемого правонарушителя к ответственности особое процессуальное значение приобретают результаты административной деятельности (протокол об административном правонарушении) и видеосъемки посредством использования видеорегистратора.

При этом должностным лицам подразделений охраны ФСО России не следует испытывать страх перед фактом возможного обжалования правомерности своих действий со стороны привлекаемого к административной ответственности.

В производстве по делам об административных правонарушениях начало и окончание каждой стадии оформляется процессуальным документом. Это может быть протокол, определение, постановление, сопроводительное письмо, например, при передаче дела должностным лицом на рассмотрение судьбе [5].

Сотрудник подразделения охраны, составляющий протокол или иной процессуальный документ, обязан соблюдать все элементы процедуры, а в документах отражать мотивы и доводы необходимости принятия того или иного процессуального действия. Если подобные доводы отсутствуют, то данные действия могут быть расценены как нарушение процесса и приведут к ничтожности материально-правового результата.

Основным процессуальным документом, составляемым сотрудником подразделения охраны ФСО России на стадии возбуждения дела об административном правонарушении является протокол об административном правонарушении. Согласно ст. 26.2. КоАП РФ протоколы, составляемые в рамках производства по делу об административном правонарушении, являются доказательством, имеющим значение для правильного разрешения дела.

Конституционное положение, содержащееся в ч. 2 ст. 50, дублируется в ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ. Вместе с тем данная норма имеет, по нашему мнению, недостаток в виде слишком общей формулировки и отсутствии конкретизации того, что может считаться основанием для признания доказательства недопустимым. Такая правовая конструкция переносит акцент в принятии важного процессуального решения на усмотрение уполномоченных субъектов (судья, орган или должностное лицо), полагаясь на свой опыт. Вполне уместно предположить, что не любое нарушение, допущенное при собирании доказательств, может повлечь их недопустимость, а только существенное. Ряд концептуальных подходов к этому вопросу сформулировано Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», где разъяснено, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а

также если собрание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом [6].

Признание доказательства недопустимым лишает фактически данные юридической силы, поэтому весьма важно, чтобы протокол составлялся уполномоченными сотрудниками подразделений охраны ФСО России при строгом соблюдении всех требований ст. 28.2. КоАП РФ.

В контексте приведенной нормы должностные лица органов государственной охраны должны осознавать, что любое нарушение ими процессуальных правил при составлении протоколов и иных документов может стать поводом для непризнания их в качестве доказательств по делу об административном правонарушении судьей или должностным лицом, уполномоченными рассматривать дело. Поскольку же протокол об административном правонарушении часто является единственным процессуальным документом, то иных доказательств вины нарушителя может и не быть. Как следствие, лицо, совершившее административное правонарушение, может не понести заслуженного наказания, что создает ощущение безнаказанности у нарушителя и подрывает авторитет государства в лице органов государственной охраны.

Статья 28.2 КоАП РФ содержит норму, обязывающую разъяснять нарушителям или их законным представителям их права и обязанности, предусмотренные Кодексом, о чем делается запись в протоколе. Для предотвращения возможных конфликтов в случае обжалования вынесенного по делу решения или действий должностных лиц при составлении протокола целесообразно не только делать соответствующую отметку, а подтверждать данный факт их подписью в соответствующей графе протокола.

Важным этапом процессуального закрепления хода и результатов деятельности должностных лиц подразделений охраны ФСО России является фиксация в протоколе факта вручения его копии нарушителю. Иногда лицо, совершившее административное правонарушение, отказывается получать копию протокола и ставить в нем свою подпись. В этом случае необходимо сделать соответствующую запись в протоколе. Процедура вручения копии протокола об административном правонарушении не должна использоваться лицом, в отношении которого он составлен, для того чтобы поднять свои интересы выше публичных. Уклонение от получения копии протокола об административном правонарушении имеет определенную цель: создать видимость нарушения частных интересов, а на самом деле является злоупотреблением правом [7, с. 512]. Именно поэтому, если в протоколе имеется соответствующая запись, сделанная должностным лицом, составившим протокол, вопрос о его недопустимости в качестве доказательства подниматься не будет [8, с. 20].

Часто должностные лица подразделений охраны при составлении протоколов упускают данные, которые регламентируются ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ (например, о том, владеет ли лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, языком, на котором ведется производство по делу) [8, с. 20]. Как показывает юридическая практика, лица мусульманского мира, совершающие правонарушения экстремистского и террористического характера, иногда не владеют русским языком. Нередко охраняемые объекты располагаются в регионах, являющихся наиболее привлекательными для туризма. Иностранцы, желая получить максимально возможную информацию о достопримечательностях, могут предпринимать попытки проникновения на территорию охраняемых объектов и тем самым становиться субъектами административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.17 КоАП РФ.

Лицам, участвующим в производстве по делу об административном правонарушении и не владеющим языком, на котором ведется производство по делу, обеспечивается право пользоваться услугами переводчика [7, с. 512]. Непредставление переводчика — это существенный недостаток, протокол, в таком случае может быть возвращен лицу, составившему данный протокол [9, с. 22].

В судебной практике еще одним существенным упущением со стороны должностных лиц, составляющих протокол, является неточное описание в графе «сведения о лице», где сотрудник указывает лишь фамилию, имя и отчество нарушителя [8, с. 20]. Данные субъекта правонарушения имеют важное значение: определение даты рождения необходимо для установления возраста гражданина с целью выяснения возможности привлечения его к административной ответственности; место жительства также имеет значение, так как согласно ст. 29.5 Кодекса по ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, дело может быть рассмотрено по месту жительства данного лица. Следовательно, отсутствие в протоколе об административном правонарушении указанных данных может являться основанием для возврата протокола и материалов дела для устранения недостатков в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ.

При составлении протокола необходимо отразить не только статью КоАП РФ, которая была нарушена, но и место, время совершения и само событие совершенного правонарушения, то есть описать, какие именно действия нарушителя были квалифицированы по соответствующей статье КоАП РФ. Данные действия характеризуют такой важный элемент состава правонарушения, как объективная сторона, поэтому

их фиксации в протоколе необходима для принятия обоснованного решения о квалификации деяния. Часто такие, на первый взгляд, незначительные признаки объективной стороны, как повторность или место совершения, могут изменить квалификацию в рамках одной статьи, но с более серьезной санкцией (например, ч. 5 или ч. 6 ст. 19.3 КоАП РФ) или на другую статью (например, ч. 5 ст. 19.3 или ч. 1 ст. 19.4.).

Таким образом, главным процессуальным документом на стадии возбуждения дела об административном правонарушении является протокол об административном правонарушении. Он же является и основным доказательством при рассмотрении дела об административном правонарушении. Процессуальные действия сотрудников органов государственной охраны в сфере составления протокола требуют совершенствования и ликвидации указанных недостатков правоприменительной практики при возбуждении дела об административном правонарушении.

В целях создания эффективного набора инструментов антиэкстремистской и антитеррористической деятельности в качестве одного из инструментов, который наряду с протоколом следует отнести к правомерной фиксации юридических фактов и событий, выступающих доказательствами нарушения законодательства, представляется разрешением проблемы использования портативных (носимых) видеорегистраторов при исполнении полномочий сотрудниками подразделений охраны.

Сотрудники органов государственной охраны при выполнении своих служебных обязанностей могут сталкиваться с проявлениями экстремизма и терроризма в самых различных ситуациях. При этом, во-первых, на любое подобное проявление сотрудник обязан должным образом среагировать [1] в соответствии с законодательством Российской Федерации; во-вторых, необходимо осуществить эффективный сбор информации для дальнейшего его использования не только в правоприменительной деятельности, но и в служебной деятельности органов государственной охраны. Конфликтность, напряженность и неожиданность ситуации происшествия, в том числе экстремистского и террористического характера, не всегда позволяет сотруднику эффективно среагировать на ситуацию, в связи с чем снижается его способность осуществить качественный сбор и хранение необходимой информации. В свою очередь, полная и качественная по своим характеристикам информация является необходимым условием в эффективной борьбе с экстремизмом и терроризмом, а также повышению эффективности уголовно-правовой защиты сотрудников органов государственной охраны. Должным подспорьем в решении рассматриваемой проблематики является использование портативных (носимых) видеорегистраторов в деятельности органов государственной охраны.

Цели использования видеореги­страторов:

- документирование действий сотрудников;
- осуществление контроля за выполнением ими своих служебных обязанностей;
- фиксация событий и явлений, затрагивающих интересы подразделений органов государственной охраны;
- сбор, накопление и дальнейшее использование информации при решении задач, стоящих перед ФСО России;
- процессуальное закрепление в качестве доказательств информации, полученной с помощью видеореги­страторов;
- иные служебные цели.

Сегодня видеореги­страторы активно используются правоохранительными органами (в числе которых, помимо ФСО России, полиция, Национальная гвардия) для фиксации фактов правонарушений и использования в процессе производства по административным делам. События последних лет показали эффективность использования средств видеофиксации при проведении крупных политических мероприятий, в том числе с участием высших должностных лиц.

Любое действие сотрудников органов государственной охраны, затрагивающее интересы и права граждан и организаций, должны осуществляться при строгом соблюдении принципа законности, указанного в ст. 3 Федерального закона «О государственной охране», который подразумевает неукоснительное следование положениям законодательства Российской Федерации, и прежде всего Конституции РФ.

Раскрывая правовые основания использования видеореги­страторов в деятельности ФСО России, следует отметить следующее:

1. В соответствии со ст. 22 Основного Закона РФ каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Статья 23 Конституции РФ декларирует право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Вместе с тем ч. 3 ст. 17 Конституции РФ определяет, что реализация прав и свобод человеком и гражданином не должна нарушать права и свободы других субъектов права. На основании ч. 1 ст. 27 Основного Закона РФ регламентировано право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [10].

Положения ст. 152.1 ГК РФ охраняют право каждого гражданина на собственное изображение: обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина.

Эта же норма права закрепляет следующее положение: «Согласие гражданина не требуется в случаях:

1) когда использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;

2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования» [11]. Верховный Суд РФ уточняет, что под общественным интересом следует понимать в том числе потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы общественной безопасности (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16).

Часть 2 ст. 11 Федерального закона «О персональных данных» разрешает обрабатывать видеоизображение гражданина без его согласия в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, безопасности, противодействии терроризму, транспортной безопасности, противодействии коррупции, оперативно-розыскной деятельности. Статья 11 Федерального закона «О безопасности Российской Федерации» устанавливает, что федеральные органы исполнительной власти выполняют задачи в области обеспечения безопасности в соответствии с Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ и нормативными правовыми актами Правительства РФ. Подпункт 4, ст. 15 Федерального закона «О государственной охране» прямо наделяет органы государственной охраны правом производить документирование, фотографирование, звукозапись, кино- и видеосъемку фактов и событий при выполнении возложенных на них задач и функций.

Таким образом, осуществление видеосъемки путем использования видеорегистраторов органами государственной охраны не только на охраняемых объектах, но и в местах проведения охранных мероприятий обоснованно как с фактической стороны, так и с правовой.

Особое внимание следует обратить на доказательственное значение результатов использования видеорегистраторов в процессуальной дея-

тельности. Подпункт 2.1. ст. 14 Федерального закона «О государственной охране» обязывает сотрудников органов государственной охраны выявлять, предупреждать и пресекать преступные и иные противоправные посягательства на объекты государственной охраны и охраняемые объекты.

Статья 26.2 КоАП РФ гласит: доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. В дополнение к этому ст. 26.7 КоАП РФ к документам в качестве доказательств относит сведения, изложенные или удостоверенные организациями, объединениями, должностными лицами и гражданами, имеющие значение для производства по делу об административном правонарушении. Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме. К документам могут быть отнесены материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, информационных баз и банков данных и иные носители информации.

Статья 74 УПК РФ к доказательствам по уголовному делу (например, в отношении сотрудника рассматривается материал по факту правомерности применения оружия в отношении лица в рамках ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона») помимо прочего относит «иные документы», под которыми в соответствии со ст. 82 УПК РФ понимаются «сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации».

Следовательно, использование видеорегистраторов в деятельности органов государственной охраны является крайне необходимым и целесообразным. Подобная необходимость вызывается фактической и правовой нуждой в сфере противодействия экстремизму и терроризму, а также должной правовой защитой сотрудников при пресечении указанных антиобщественных явлений. К тому же практика использования видеорегистраторов позволит решать и ряд иных задач в области осуществления государственной охраны.

Таким образом, в качестве инструментария противодействия деструктивным проявлениям целесообразно использовать рассмотренные средства предупреждения, выявления, пресечения актов терроризма и экстремизма. Отметим, что каждый сотрудник органов государственной охраны, участвующий в мероприятиях по обеспечению безопасно-

сти объектов государственной охраны и защите охраняемых объектов, должен обладать необходимым набором знаний о существующих нормативных положениях и инструментах антитеррористической и антиэкстремистской деятельности. При проведении охранных мероприятий с участием объектов государственной охраны сотрудникам ФСО России необходимы специальные навыки в области выявления и пресечения неправомерных действий со стороны российских граждан и иностранных лиц.

В отношении совершенствования правовых основ противодействия экстремизму и терроризму считаем необходимым внесение изменений в проанализированные нормативные правовые акты. Предложенные рекомендации теоретического и практического характера в целом повысят эффективность деятельности сотрудников охраны, что позволит более результативно работать над выявлением, предупреждением и пресечением противоправных действий в отношении безопасности объектов государственной охраны и защиты охраняемых объектов.

Библиографический список

1. О государственной охране: Федер. закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (в ред. от 1 апр. 2020 г.) // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 1 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 2 авг. 2019 г.) // Российская газета. 1995. 18 авг., № 160.
3. Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. М., 2008.
4. Серков П.П. Производство по делам об административных правонарушениях как вид административного производства. М., 2010.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
6. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8 (в ред. от 6 февр. 2007 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.
8. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2005 г. // БВС РФ. 2006. № 5.
9. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2005 г. // БВС РФ. 2006. № 3.
10. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля, № 144.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2020 г. № 262-ФЗ) // СЗ РФ. 1994 г. № 32. Ст. 3301.